

P2 K
M 74

ОБЫК-
НОВЫЕ
СНЫ

Р. МОИСЕЕВ

P2
M 74

Р. МОИСЕЕВ

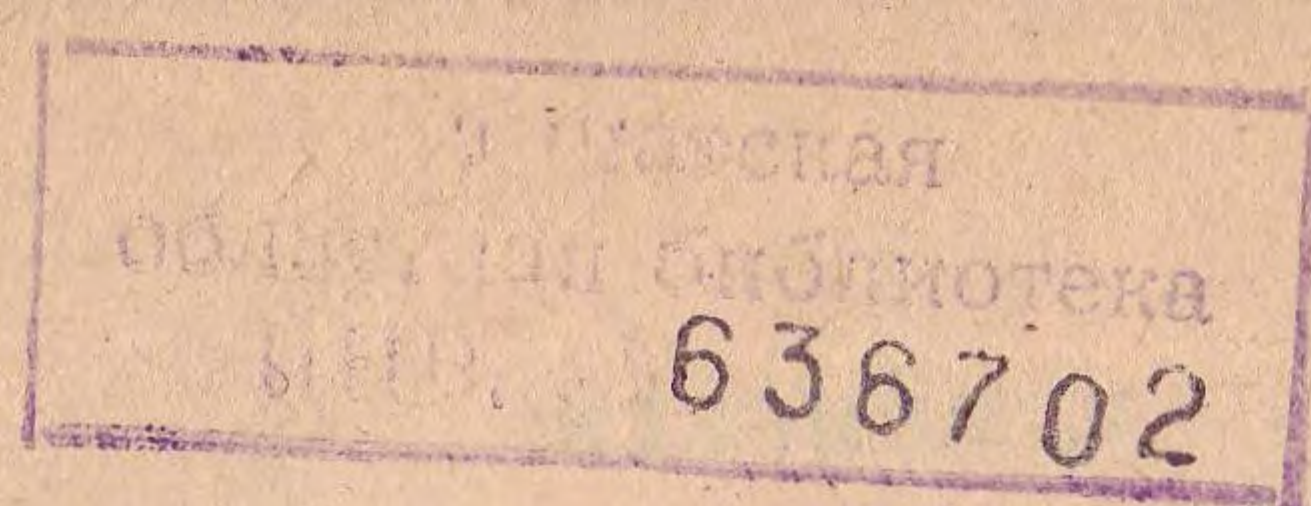
ОБЫКНОВЕННЫЕ СЮЖЕТЫ

Библиотека
Фонгандера
от одного из
читателей
Моисев
24.12.87



Петропавловск-Камчатский
Дальневосточное книжное издательство
Камчатское отделение
1983

P2
M74



Герои рассказов Р. С. Моисеева — обыкновенные люди, наши соседи, сослуживцы, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни. Автор дает нам возможность посмотреть на себя как бы со стороны, заставляет задуматься над своим отношением к жизни, к людям.

Рецензент
И. Федорин

0 47.2.1.2
M142(01)—83 20—83
4702010200

© Дальневосточное книжное
издательство, 1983



Дядя Саша и бульдозер

Год назад утонул в тундре около Красного камня бульдозер. Утонул, конечно, сам, потому что виноватых в этом деле не сыскалось. Гнали его в геологическую экспедицию два водителя, но народ так и не узнал, ни кто за рычагами сидел, ни даже в какой день утопили. Известно было только, что из Петровки они выехали в пятницу в середине дня, нельзя сказать, чтобы пьяные, а на базу экспедиции пришли пешком в среду. Единственное, что от них узнали точно, — место.

Начальство экспедиции поразбиралось с этим делом, бульдозер списали, дело закрыли. Одного из водителей, дядю Сашу, человека, известного тем, кто в Петровке дело имеет с железом, оставили. А напарника — его мало кто и в глаза-то видел, а знали про него и совсем ничего — выгнали.

Когда дело к осени пошло, экспедицию закрыли.

Пришел дядя Саша в совхоз, сел на завалинку конторы и завел разговор с шоферами издалека: какие заработки, да не считают ли, что в совхозе другим по-выгоднее можно заняться, или, может быть, шоферить, но в другом хозяйстве.

Механизаторы уже знали, что экспедиции нет, и сначала разговаривали с дядей Сашей немножко даже свысока, как с человеком, ищущим работу. Но дядя Саша выслушивал всех, поддакивая и очень внимательно заглядывая в глаза. За такую внимательность и уважительность механизаторы высыпали на него все сведения, какие имели.

Работы для него, как водителя, в совхозе не было. Три трактора — один на ходу. Семь автомашин — че-

тыре на ходу. Кузница путем не работает. Станки отлажены плохо. Три тракториста, восемь шоферов, два слесаря. Куда еще? Впрочем, к начальству сходить никогда не мешает. Начальству дальше видно.

Дядя Саша слушал и слушал, помаргивая, и просидел на завалинке два дня. А на третий зашел в кабинет к директору, подгадав, когда там был главный инженер, и вышел уже штатным трактористом.

Механизаторы удивились, раскинули, на кого же начальство зуб точит, кого планирует уволить, раз уж завелись лишние люди при мертвых железках. И так один ездит, двое смотрят. Однако обсуждали недолго — не мужское это дело.

Увольнений, правда, не было.

Дядя Саша целую неделю к технике не подходил, налаживал кузню. В конце недели кузню пустил и первое, что в ней отковал, — с десятков длинных, тонких заостренных штырей.

На другой день утром дядя Саша пошел пешком к Красному камню и вернулся в гараж только к вечеру, невообразимо измазанный мелкотертой тундровой грязью.

Механизаторы, кто водил сегодня машины, были еще в гараже, и, увидев дядю Сашу, все дружно одно подумали, одно и спросили:

— Что? Достал?

Дядя Саша, усталый, присел, похлопал ладонью по коленке.

— Достать его пока можно. Он не так глубоко. Откопать хорошо, подважить и дернуть трактора в три.

— А где их взять?

— Есть же три трактора... Отремонтировать.

— А будто бы так, без тебя, их не нужно было ремонтировать!? Ох ты какой шустрый! Не городи ерунду, дядя Саша. Придумывай, что полегче.

— Опоры там нет, что придумаешь?

— Сам топил. Надо было место выбирать, где опора есть.

Однако, при всех подковырках и пересмешинках, стал дядя Саша в этот вечер своим, его зауважали и, наконец, — а давно бы пора — спросили, где же он устроился жить.

— Да у Егоровой, у Питиримовны, — ответил дядя Саша, и все сначала даже не нашлись, что сказать:

грязнее и отвратнее этой старухи и ее халупы не было никого ни в самой Петровке, ни в соседних селах.

— То-то ты такой грязный сегодня. Это чтобы ей больше понравиться?

Так дружно сказали механизаторы и так же дружно решили, что для тракториста квартировать у Питиримовны — позор и себе и «самой технике».

И тут стало известно, что нет у дяди Саши ни чемоданов, ни сундуков, что все его барахло, и деньги тоже, содержатся в армейском сидорочке. А попал он к Питиримовне по стеснительности: в двух домах, куда он попробовал сунуться с просьбой поквартировать, его так встретили, что он решил больше не нарываться.

— Ну, брат, это дело поправимое. Быт мы тебе наладим быстро. Подгаиха наша опять пустует — к ней тебя и определим. Уж она-то тебя обиходит.

С тех пор стал дядя Саша — по рекомендации самого завгара — жить у Подгаихи. И стала она его обстирывать, обшопывать, тряпки прикупать, ужинами с завтраками кормить. И стал дядя Саша почище и возрастом поопределеннее — не более пятидесяти.

А между тем пришла и ушла уборка, и промелькнули три-четыре дня золотой осени, зарядили дожди, ухнули снега, завалило все метровыми сугробами, морозы завернули за сорок градусов — поворотила природа круги свои на зиму.

Дяди Сашины штыри, воткнутые в тундре по контуру утопленного бульдозера, вмерзли, их занесло, и думать про них забыли все, и сам дядя Саша тоже.

Подгаиха надела на него — не даром, за деньги — полушубок своего супруга, удравшего лет шесть назад на большие заработки в моря и с тем без вести пропавшего.

Стал дядя Саша вместе с двумя механизаторами возиться около неисправных тракторов.

Завгар и механик отнеслись к этой возне по-разному. Завгар, пока было начало зимы и начальство за ремонт не стригло, на эти дела наплевал. Ездил себе неспеша по складам и базам, по знакомым мужикам, у которых за деньги можно разжиться или поменаться запчастями. Механик, молодой, франтоватый, самолюбивый и ехидный, подходил по утрам, по морозцу, стоял рядом, перекидывая шапку с уха на ухо, подъелдыкивая. И никто, удивительно, не огрызался. Видели, что завидовал меха-

ничек молодой, на полезную работу глядя, и не спорили. Механике поучился, пусть работе поучится.

Когда вдруг — никто не ожидал — заработал движок у второго трактора и дядя Саша с помощниками взялся за его ходовую часть, в гараж притащились все. Сначала механизаторы, подрастерявшие уже инерцию праздничных загулов. Постояли около движка, покурили, пошлепали голыми ладошками по горячим железкам и взялись за ходовую часть сами, а дядя Саша начал копать в третьем тракторе.

Потом механик пристроился с дядей Сашей руками поработать, в моторе поковыряться. Потом пришел главный инженер, кивнул дяде Саше, похлопал механика по замасленной спине. О чем-то они поговорили втроем, под усилившийся вдруг железный перестук, сдвинув головы вместе, как куры над кормушкой.

Директор совхоза явился, когда и третий движок стал походить на вещь: зачихал, засморкался, вот-вот должен был заработать по-настоящему. Обходя белыми фетровыми бурками масляные лужи, директор потыкался в каждый угол, поздоровался со всеми, постоял у почти готового движка и сказал дяде Саше при всех, вслух:

— Можешь свой бульдозер не доставать. Поставишь эти трактора — квартиру дам.

Дядя Саша промолчал, пожав плечами, а кто-то сказал:

— Ему квартиру с бабой надо. Он у нас неимущий студент.

Так этот разговор шуточками, шуточками — и зашутили. Вроде бы и директор свое в шутку сказал.

К апрелю все три трактора были на ходу. Ну остановится какой-нибудь из них на денек-другой — не без этого. Ведь из хлама собрали.

А дядя Саша все копался в мастерской, выдумывал какие-то хитрые системы блоков, стоек, захватов, лап и кланчил у завгара металл.

Завгар был мужик спокойный, но, когда надо, рывал, как медведь, вроде и не со злобой, но лицо его так наливалось кровью, рот раскрывался так широко, что не было смелого, который бы от него не отступился.

— Чего ты занялся этой загородкой для тараканов, этой клоподавкой, этой комариной этажеркой? Там — бульдозер! Ты это понимаешь? Сколько это тонн? Да

он в болото всосан! Да корни его оплели! Что ты там сделаешь этой дамской мебелью? Уйди! Уйди лучше!

Дядя Саша молчал и стеснительно шмыгал носом.

Но завгар был и справедлив, что да, то да. Чего орать, если человек из хлама два трактора собрал? Пусть потешится.

— Давай договоримся: весь металл на свалках — твой. А эти уголки и трубки ты не трогай. Ну не трогай. Ну прошу тебя.

И даже как-то дал завгар дяде Саше на два дня машину поездить по соседским металлическим свалкам.

После посевной, когда наладились чуть-чуть дороги, в воскресенье к вечеру проезжали через Петровку геологи из той экспедиции, что бульдозер утопила. И получила у них ругань небольшая с совхозными в магазине, пока в очередешке стояли. Один из механизаторов, немножко, как и положено в воскресенье, на взводе, взял да и сказал:

— А мы ваш бульдозер достаем.

— Какой?

— А такой. Какой вы утопили.

— Это тот, что у Красного камня?

— Его.

— Да он уже два года лежит.

— Ну и что? Он лежит, а мы достанем.

— Идиоты вы. Дикари. Там же агрессивная вода, неужели не ясно?

— Сам ты идиот. Я вот тебе ругну.

— Ну ладно. Извини. Но среда-то все равно агрессивная. И трактор ваш тью-тью. Превратился в труху.

— Не трактор, а бульдозер! И не наш, а ваш! Скажите! Грамотный! Агрессивная среда! Агрессор нашелся! Бульдозер утопили! И списали! И концы в воду! В агрессивную среду! У нас не тракторы, а рухлядь, нам работать нечем! А они, смотри-ка, золото ищут, им бульдозеры топить можно!

Геолог смолчал, полез в свою кабинку и уехал. И уже на ходу шофер сказал ему утешительно:

— Плюньте на них, Олег Кириллович. Сельские недотепы. «Рухлядь! Рухлядь!» Им технику дают, как в прорву. А они за один сезон машину в навоз превращают.

— Ладно, Петя, все мы хороши, — ответил геолог, и оба они замолчали.

А ругачка эта, между прочим, имела последствия. За три дня, от одного к другому, так и дошли сведения о ней до главного инженера.

Дядя Саша ничего не знал. Доклепал свою систему и пошел спрашивать, когда ему трактора дадут. Хотел начать вовремя бульдозер обкапывать, чтобы яма не заплывала.

— Хватит время на глупости убивать, — громко сколо конторы, все слышали, сказал главный инженер. — Три трактора есть, и хватит. Пару десятков тонн ржавчины и грязи вы из этого болота достанете, и все. Тундровая вода и в самом деле агрессивна, за два года, считай, весь металл разъела. Хватит отвлекаться. Я запрещаю.

— Но вы же сами...

— Да, я сам разрешил. Это моя инженерная, если хотите, ошибка. А теперь я запрещаю. И займитесь нужным делом. Хватит баловаться.

И тут дядя Саша сказал длинную и связную речь, такую зажигательную и патристичную, как с трибуны.

Вот какую речь сказал дядя Саша:

— Да я же его, как миленкого, всего разберу, перетру и соберу. Соберу я вам его. «Агрессивная среда! Агрессивная среда!». Ерунда это — агрессивная среда. Он же новенький был, почти весь в смазочке. Ну не поработал механизм два года. Изленился. Изнежился. Забуджил. Человек, а ну-ка, полежи в грязи с недельку? От ревматизма не разогнешься. Ну и что? Игде подшевелим. Игде подшаманим. Игде подзаменим. Задвигается он. Я чувствую, задвигается, как миленкий. Это же машина советская, наша, не какая-нибудь заграничная. Под Богачевкой у нас трактор год в морской воде пробыл, и об камни его било. И все равно кой-чего собирали. Двигатель был в смазке, так он нам через неделю уже электричество давал. Это же механизм, это же машина. Если с ней по-людски, она через силу, а работать будет.

Главный инженер выслушал, посмотрел зачем-то на часы, покачал головой и дал дяде Саше пять дней сроку «на окончание баловства» с бульдозером.

В помощь дяде Саше — яму копать и эту его систему башенную монтировать — никого не назначили, но завгар промолчал, когда сразу четверо ребят ушли к дяде Саше.

Три дня возились они в этой страшной тундровой жиже. Думали — полтундры уже вычерпали, а жижа все подплывала и подплывала из-под верхнего слоя.

Наконец дядя Саша послал за тракторами. Дело было к вечеру. Погода — лучше не надо.

Участие в этом деле принимали завгар, механик и все механизаторы. Пригнали трактора и две автомашины посильнее. Над черной ямой стояла дяди Сашина башня, опираясь широкими лапами на тундровую мякоть. Из башни свисали на блоках тросы — за них должны были тянуть машины. Через край ямы к сухому месту, где стояли трактора, тянулись тросы с захватами.

В яме, в воде, в жиже, накренившись, обросший грязью и с трудом различимый под нею, был бульдозер.

Дергали его машины и трактора и вместе и порознь. Дядя Саша — такого еще не слышали — кричал хриплым голосом зычно, твердо, резко, обрубая воздух левой рукой. Стоял он у края ямы, правой рукой держался за стойку башни. Ноги были расставлены широко. В сутулости его что-то изменилось. Прямее он не стал, но сутулость уже не была мягкой, податливой. Подбородок выставился вперед, из-под свитера выдвинулся небритый кадык, дергающийся при каждом крике. Голова, которую привыкли видеть в шапке или в кепке, была теперь не покрытая, лохматая, седая, держалась твердо и начальственно.

Людам, вообще-то говоря, некогда было подолгу смотреть на дядю Сашу и разглядывать, как поставлены ноги да посажена голова. Некогда и незачем. Потому что одного взгляда мельком и одной услышанной команды было достаточно, чтобы почувствовать команду и признать его командирство. Его слушались и завгар и механик.

Бульдозер сначала не двигался. Потом, громко чвакнув, едва заметно повернулся, опять замер и, снова чвакнув, повернулся заметно. Потом из ямы раздался всхлип, заглушивший рев двигателей, и полетели брызги и комья грязи. Дядя Саша замахал рукой, как мельницей; двигатели заревели сильнее, башня накренилась, трактора едва заметно тронулись. Край ямы начал вспучиваться, слой дернины задрался, порвался, и, выталкивая перед собой огромный ком грязи и сам похожий на такой же ком, только жесткий, державший форму, из ямы медленно выполз бульдозер.

Солнце садилось. Тундра была в тени, свет остался только на верхушках сопок. Быстро темнело.

Энтузиазм, с которым работали механизаторы, ожидал морального вознаграждения, ожидал результата, ожидал чего-то, что стоило бы доброго слова и на что приятно бы было посмотреть.

То, что было вывoločено из ямы и стояло теперь на сухом месте, было так не похоже на бульдозер, более того, было так безобразно, грязно, противно и вонюче, что добрых слов не находилось. Все молчали. Молчал и дядя Саша.

— Да, — сказал кто-то, — агрессивная среда.

— Надо отмывать, — ответил дядя Саша, — а то грязь засохнет — не отскоблишь.

Стоял он около бывшей своей машины, седой, сутулый, забрызганный грязью, на командира больше не похожий. Но результат, итог, вознаграждение за энтузиазм обязан был обеспечить он — а итога не было. И когда он услышал чей-то один голос: «Рабочий день кончился. По домам пора, между прочим», — он даже не обиделся. Он только попросил два ведра, сел на обочину и сидел, свесив голову к коленям, пока тракторы и машины не ушли. И он остался один.

На другой день на работу в гараж дядя Саша не явился. Табель вел сам завгар. Он подержал карандаш над дяди Сашиной клеточкой и послал механика к Красному камню.

Дядя Саша не проснулся, когда машина остановилась метрах в трех от него, когда механик и шофер подошли к нему и смотрели на него, лежащего в траве, на боку, скрюченного, с головой, замотанной в ватник. Рядом с дядей Сашей лежал мокрый, не очень грязный чемоданчик и куча рваных тряпок, в которые, наверное, чемоданчик и был завернут.

Кабина бульдозера и капот были отмыты и торчали из остального кома грязи, как красивая и надежная вещь. По контрасту со вчерашним, а может быть, потому, что было утреннее настроение, не накопилось еще ни усталости, ни раздражения, эта кабина и этот капот показались самой полноценной наградой за вчерашний труд. Механик и шофер, пачкаясь еще не высохшей грязью, забрались на этот ком, почувствовали под сапогами траки, увидели вблизи, что краска на кабине где-то даже и не тронута, где-то запузырилась, а где-то, но

не так уж много, отслоилась, и на этих местах проступила яркая, рыжая, с коричневыми жилками ржавчина. На одном рычаге и грязь, и краска, и ржавчина были соскоблены до чистого металлического блеска. Механик подергал рычаг, тот заметно, миллиметров на пять, тронулся. Шофер ударил кулаком по стенке кабины.

— Не пробьешь, целая. Вот тебе и агрессивные воды.

Когда они спрыгнули с бульдозера, дядя Саша уже проснулся, сидел на земле, положив руки на колени. Лицо его, грязное, серое, помятое, было неподвижно. Усы, вымазанные засохшей болотной жижей, торчали, как большие шурупы.

Механик сказал:

— Бульдозер-то цел, дядя Саша?

— А чего ему сделается? Починим. Пойдет.

— А это ты что достал? Вещички, что ли, вез?

— Вез.

— А чего там? Шмутки, что ли?

— И шмутки.

— А чего же ты его не выхватил сразу? Уж чемодан-то можно было успеть выкинуть.

— Можно, конечно. Да вот, видишь, он не выкинул.

— Кто?

— Напарник.

— Он был за рычагом?

— Ага.

— А ты?

— Спал.

— Чего так?

— Так. Мы спать легли оба. Не хотел я ехать по тундре ночью, без разведки. А он ночью, пока я спал, и поехал один. Вот и все.

— И ты от шума не проснулся? Здоров ты спать!

— Да уж.

— А кто старший был?

— Я.

— А чего он не послушался?

Дядя Саша помолчал и мотнул головой в сторону тряпок.

Шофер ногами раскидал их: там было два грязных ящика с бутылками. Шофер присвистнул. Механик улыбнулся.

— Понятеи сюжет. Так ты что, поддавши спал? Дядя Саша?

Дядя Саша молча пожал плечами.

— Нет, не мог он долго тонуть, не поверю я, — сказал шофер.

Дядя Саша вздохнул и не ответил.

— Да, тяжеленькая была ситуация, — засмеялся шофер, — раз спирт в машине оставили. Тут я поверю, что он камнем утонул. Это на всю экспедицию везли? И как вам ребята это дело простили? Ну и дела. Садись, дядя Саша, поедem в гараж.

— Машину надо мыть.

— Отмоем за сегодня. Не тушуйся.

Выслушав механика, завгар взял дядю Сашу под руку уважительно, как девицу, и увел в свою конторку. Дядя Саша шел с чемоданчиком в руке, усталый, сутулый, мягкий, послушный.

— Вот что, дядя Саша. Как мы сошлись по работе близко, мне директор поручил поговорить. Останешься у нас? Я тебе не баба, не начальство — я тебе прямо говорю: будет тебе квартира. Заработки ты знаешь. Работа тебя любит. И ты к ней вроде ничего относишься. Что скажешь?

Дядя Саша молчал.

— Чего молчишь? У геологов, что ли, лучше? Будешь, как медведь-шатун. А у нас народ хороший. Сам видел. Чего тебе объяснять...

Дядя Саша посмотрел на завгара — не в глаза — и вздохнул.

— Ну? Чего? А в чемодане-то что было? Что с ним таскаешься? Из-за него, что ли, машину доставал? Деньги в нем?

Дядя Саша коряво улыбнулся, его усы жестко двинулись и замерли.

— Ну ладно. Твое дело, — продолжал завгар. — Давай про существенное кончим. Квартира будет. Думай только быстро, чего тянуть? Квартиру сразу получишь — не завтра, не послезавтра. Скажешь да, сегодня бери ключ. Забирай Подгаиху из ее халупы, и хорош. А?

Дядя Саша опять вздохнул и тихо сказал простуженным басом:

— Ладно. Попробуем еще раз.

— И хорошо. Вымойся, а то, гляжу, тебе с такими усами жить противно. И побыстрей. За квартирой поедem.

И пока дядя Саша фыркал и, стесняясь, брызгал на

пол около умывальника, завгар смотрел на него и думал, а потом, когда дядя Саша уже вытерся и раскатывал рукава, сказал ему:

— За Подгаиху не бойся. Если ее законный объявится, надолго не задержится. До первого встречного. Он тут много наследил. А в чемодане-то что все-таки? Чего ты в него опять вцепился?

Дядя Саша улыбнулся, поставил чемодан к столу и легонько толкнул носком грязного сапога.

— Дерьмо там, — сказал он, — шмотки одни. Чего я его ношу? Не знаю. Вытащил ночью из машины и ношу. От радости, что ли? Как псих. Два года мучился, а как достали машину — душу отпустило. Теперь я не виноватый. И, видишь, как будто умом тронулся. Хожу с чемоданом, как фраер, как дурак. Как санаторник, с дерьмом под мышкой.

Через пять месяцев бульдозер бегал по совхозу, приносил пользу народному хозяйству.

А дядя Саша пожил в Петровке еще три года и исчез. Впрочем, у нас многие живут не подолгу, и все к этому привыкли.

СОДЕРЖАНИЕ

Дядя Саша и бульдозер	3
• Обмен	13
• На рыбалке	22
• В дождь на Уловах	31
Зойка	40
• Подарок для дочери	49
Веркино счастье	60
Телевизор	67
• Унты	74
Четверо с Ольховой	88
За пять квадратных метров	96
• Королевская охота	109
В конце четвертой четверти	112

Моисеев Роберт Савельевич

ОБЫКНОВЕННЫЕ СЮЖЕТЫ

Редактор В. А. Ильина

Художник Л. С. Ткач

Технический редактор Н. С. Сухачева

Корректор Н. Н. Колмакова

ИБ № 849. ВИ00357. Сдано в набор 20.10.82. Подписано к печати 04.02.83. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,7. Бум. тип № 3. Тираж 15 000 экз. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Цена 40 коп. Заказ № 1625.

Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение. 683000. Петропавловск-Камчатский, ул. Советская, 50.

Камчатская областная типография. 683024, Петропавловск-Камчатский, ул. Лукашевского, 5.